

Игорь Шаронов

Народная этимология и количественные сочетания в русском языке¹

Наивное этимологизирование исходит из имманентной системности и мотивированности любого языкового знака, жесткой связи его внешней формы и значения. Это позволяет осмыслять непонятную или неизвестную для человека языковую единицу в ходе сравнения ее с внешне похожими словами. То, что при этом единица может вводиться в класс чужеродных ей с исторической точки зрения явлений, остается, так сказать, «за кадром». Прагматическая выгода от некритичного, наивного освоения единицы оказывается иногда более ценной, чем истина: известны случаи, когда неверное осмысление становилось общепринятым. Несколько ставших классическими примеров приводится в [Булаховский 1958: § 15]: по ассоциации с судом слово *господарь* перешло в *государь* и позже в *сударь*, а слово *крестьянин* перестроено из *христианина*, видимо, в связи с обязательным христианским атрибутом — крестом.

В [Розенталь, Теленкова 1985: 139] народная, или ложная, этимология определяется как «переделка и переосмысление заимствованного (реже родного) слова по образцу близкого по звучанию слова родного языка, установление между ними семанти-

Игорь Алексеевич Шаронов
Институт лингвистики РГГУ,
Москва
igor_sharonov@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ за 2014 г.

ческих связей на основе чисто внешнего, случайного звукового совпадения, без учета реальных фактов их происхождения». Поскольку двум объединенным в определении операциям — просто ложному переосмыслению и переосмыслению с переделкой — соответствуют в лингвистике два взаимозаменяемых термина — «наивная» и «народная» этимология, то в принципе ничто не мешает развести два термина и считать наивной этимологией переосмысление без переделки слова, а народной этимологией — переосмысление с его переделкой.

К наивной этимологии можно отнести, например, такие заимствованные слова, как *колика*, осмысляемое обычно через «родной» глагол *колоть*, или *сальный*, которое неправильно связывают со словом *сало*. В научно-популярной статье о профессиональной и любительской лингвистике Андрей Анатольевич Зализняк приводит несколько примеров наивной этимологизации. Так, слово *маска* производят от глагола *мазать* на том основании, что маску намазывают на лицо. *А молоко* — это то, что мелют, делают мелким, размолотым, кладут в воду и получают таким образом молоко [Зализняк 2009].

Переосмыслению подвергаются и крылатые слова. Например, имя древнеримского бога *двуликого Януса*, два лица которого — молодое и старое — обращены соответственно вперед и назад, к будущему и прошедшему, изменило смысл и стало крылатым в результате сближения со смыслом ‘двуличный’. Ср.:

Напротив, он умел, когда нужно, быть двуликим Янусом, посмеиваясь в душе над каждой из партий, считавшей его по временам своим (К.М. Станюкович «Жрецы», 1897).

— *Я — неискренний, а следовательно, и нечестный человек. Я — двуликий Янус, любовь моя* (Б. Васильев «Дом, который построил Дед», 1990–2000).

И как двуликий Янус: одной стороной повернешь — ангел, другой — дьявол (Л. Иванова «Искренне ваша грешница», 2000).

Крылатая фраза *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая*, — это переинтерпретация евангельского наказа избегать помпезной, «показушной» благотворительности. В бытовой речи она утратила императивный компонент и превратилась в символ плохой организации, бестолковости и разгильдяйства:

Результат традиционного российского разгильдяйства, когда левая рука не знает, что делает правая (А. Рябов «Административные восторги») [Рябов 2003].

— *От кого вы ждете логики?! У них левая рука не знает, что делает правая!* (Д. Быков «Орфография», 2002).

Значит ли это, что левая рука Хозяина не знает, что делает правая? Значит ли это, что Хозяин был не в курсе предстоящего ареста Кольцова? Значит ли это, что всем в стране верховодит Берия? (предисловие Г. Боровика к книге В. Фрадкина «Дело Кольцова») [Боровик 2002]¹.

Народная этимология, при которой слова не только переосмысляются, но и перестраиваются, представлена в языке более богато и разнообразно. Среди ее источников обычно выделяют:

1) речь малообразованных, чаще сельских жителей: *судяга* из *сутяга* на основе ассоциации со словом *суд*, *полуклиника* из *поликлиника* (поскольку нет стационара), *мелкоскоп* и т.п.;

2) детскую речь, классические примеры из которой представлены в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти». Это *копатка* из *лопатки*, *мазелин* из *вазелина* и т.д.;

3) переосмысление как следствие опрошения. Рассмотрим несколько интересных примеров переосмысления поговорок, которое произошло в результате опрошения одного из компонентов². По поводу поговорки *Попал как кур во щи* Б.Н. Тимофеев резонно замечает, что из кур варить щи не принято, и указывает на исходную форму: «Попал, как кур в ошип». Еще более интересна исходная форма поговорки *На тебе, боже, что нам не гоже*. Адресатом обращения оказывается в поговорке не Бог, а нищий. Опрошенное слово первоначально звучало как *небоже*, звательный падеж от *небога*, то есть ‘нищий, убогий, несчастный’;

4) игровую этимологию, намеренную переделку как идеологический прием (*прихватизация*, *дегенерал*) либо как особый литературный прием (см., например, коллекцию примеров в [Санников 1999: 146–147, 167], где собраны «толкования» слов типа: *драпировка* — ‘отступление войск’, *заморыш* — ‘иностранец’ и т.д.

Приведенные примеры затрагивают только лексические средства языка. Однако влияние наивной этимологии можно усмотреть и в грамматике. Рассмотрим в этой связи счетные русские формы, то есть количественные конструкции, состоящие из числительных *два*, *три*, *четыре*, *полтора* и *оба* и зависящие от них существительного.

¹ В рассматриваемой поговорке возможна перестановка последовательности рук, что, впрочем, не приводит к изменению значения: *Мой банальный план положиться на русскую безалаберность сработал! Что за страна! Воистину у нас правая рука не знает, что делает левая* (Д. Смирнова «Рыбий жир») [Смирнова 1997]; — *Значит, — сказал Иона Овсеч, — правая рука не знает, что делает левая: в огороде — бузина, в Киеве — дядька* (А. Львов «Двор»).

² Примеры взяты из работы [Тимофеев 1961].

Исторически счетные формы восходят к двойственному числу существительных, имевшему самостоятельную парадигму и употреблявшемуся в парных предметных именах (*родители, глаза, руки, ноги* и т.д.), а также в других именах после слов *два* и *оба*. Уже в древнерусских текстах такие формы стали регулярно заменяться на формы единственного или множественного числа [Соболевский 2004: 207]. А.А. Зализняк относит счетные формы к особому девятому падежу его падежной классификации [Зализняк 2002 (1967): 46–48]. Выделение особого, нестандартного падежа исследователь объясняет тем, что существительные после этих числительных стоят в форме единственного числа, а субстантиваты — в форме множественного: *три солдата, три ресторана*, но *три часовых, три столовых*. Кроме того, исследователь указывает на несовпадение ударения в формах некоторых существительных в рассматриваемой позиции по сравнению с их формами родительного падежа, ср.: *два ряда, три часа, сделать четыре шага, два шара в лузу и дойти до ряда, нет ни часа, не сделать и шага, нигде нет шара*.

Академическая «Русская грамматика» [РГ 1980, I: § 1366], впрочем, идею выделения особого счетного падежа не поддержала. Мы также будем исходить из традиции и считать, что числительные *два, три, четыре, полтора* и *оба* управляют существительными, требуя от них формы единственного числа родительного падежа: *два студента, три реки, четыре стола, полторы бутылки, обе девушки*. Количественное сочетание — грамматическая идиома, которая чаще всего занимает в предложении позицию подлежащего и в своей целостности вступает в связь с атрибутивным словом. Особенности этой связи и служат объектом нашего рассмотрения. Главный компонент конструкции (числительное) не имеет категории числа и рода, а вся конструкция выражает некоторую множественность. Поэтому прилагательные или причастия, присоединяемые к такой конструкции в постпозиции и препозиции, оформляются во множественном числе в соответствии с так называемым согласованием по смыслу.

Постпозиция:

Две комнаты, просторные и светлые, находящиеся / принадлежащие...

Две девушки, которые... / чьи... / те, что... и т.д.

Препозиция:

В квартире все не так: в наши две комнаты дверь открыта, и в комнату Серафима дверь тоже распахнута (С. Есин «Стоящая в дверях») [Есин 1992].

Интересно, что занимать препозицию перед рассматриваемыми количественными сочетаниями может отнюдь не каждое

прилагательное. Оцените сомнительность таких сочетаний: *деловые два письма, перспективные три задачи, способные четыре аспиранта*.

В [Горбачевич 1978: 259] дается небольшой список прилагательных, способных занимать препозицию количественному сочетанию: *за последние два месяца, в первые три дня, через каждые четыре часа, другие две девушки*. Список таких прилагательных на самом деле несколько шире, хотя и не намного¹: *неполные три года, эти три глагола, долгие семь лет, жалкие семь процентов, очередные три тома*².

Более стандартной для прилагательного и причастия в количественных сочетаниях является не пре-, а интерпозиция, то есть позиция между числительным и существительным. В данной позиции атрибутивное слово принимает форму множественного числа (которую наследует из семантического согласования) и форму родительного падежа, согласуясь по падежу с существительным, которое стоит в единственном числе: *два новых студента, три пересохших озера, четыре маленьких козы*. Таким образом, хотя формально прилагательное зависит от существительного, согласуется оно с существительным только по падежу, а не по падежу и числу, как при обычном согласовании. С точки зрения грамматической логики это, видимо, наиболее дисгармоничная конструкция в русской грамматике. То, что такое согласование у существительных происходит только в их комбинации с пятью числительными, проблемы не уменьшает — хотя бы потому, что числительные *два, три и четыре* очень частотны в речи.

И здесь, частично «разгружая» проблему, вступает в свои права народная этимология со своим основным методом — перделкой слова на основе случайного звукового совпадения с целью облегчить освоение трудного, непонятного языкового явления.

Большинство существительных в женском роде имеет омонимичные формы род.п. ед.ч. и им.п. мн.ч.: *нет книги* (род.п., ед.ч.) и *эти книги* (им.п., мн.ч.), *три девушки* и *хорошенькие девушки*. Почему бы не трактовать форму *груши* в количественном сочетании *четыре груши* не как форму род.п. ед.ч., которой

¹ Все приведенные сочетания взяты из конкретных примеров, приводить которые в статье мы не будем из соображений экономии.

² Особняком в этом ряду стоят прилагательные *целый, полный и добрый*. Д.Э. Розенталь утверждает, что они в препозиции должны иметь только форму род. п. [Розенталь 1977: 216]. Данное утверждение, впрочем, кажется чрезмерно радикальным. Например, прилагательное *целый*, как показывают материалы НКРЯ, используется в род. п. хотя и более часто, но не абсолютно: *целых два* — 503 примера против *целые два* — 73 примера; *целых три* — 570 примеров против *целые три* — 78 примеров.

она является, а как форму им.п. мн.ч., как в словосочетании *сладкие груши*?

В результате переосмысления получается конструкция: *две (три / четыре / полторы / обе) сладкие груши*, которая конкурирует с формально правильной, но одиозной конструкцией *две (три / четыре / полторы / обе) сладких груши*. Числительное перестает управлять и превращается в согласуемое по падежу слово: *две сладкие груши: груши (какие?) сладкие, (а еще какие?) две*. Дополнительным помощником наивной этимологизации выступает и принцип аналогии, поскольку числительные в косвенных падежах (кроме винительного) перестают управлять и становятся согласуемыми: *двух красивых роз, двум красивым розам, двумя красивыми розами* и т.д.

В нормативных справочниках такое переосмысление было поддержано [Супрун 1957: 243–245; Горбачевич 1978: 259; Розенталь 2005: 276–278]. Более того, «Русская грамматика» допускает подобную возможность и для конструкций с существительными мужского рода: «Форма им.п. здесь возможна, но она отмечается реже и проявляет тенденцию к ограничению в употреблении: *два спасительные маяка* (Лерм.); *два дряхлые старичка* (Тург.); *два помещицы дома* (Лерм.); *оба проголодавшиеся приятеля* (Л. Толст.)» [РГ 1980, II: 56]. Однако такие употребления крайне редки и встречаются только в текстах не позже начала XX в., что говорит об их очевидной устарелости. Можно сказать, современная грамматика их не приняла.

Полному переосмыслению падежно-числового оформления существительных женского рода мешает отсутствие грамматической омонимии у целой группы двух- и трехсложных слов. Ср.: *Две реки*, но — *широкие реки*. И таких слов женского рода в русском языке достаточно много: *коза, щека, свинья, семья, скала, сирота, слуга, сова, соха, стрекоза, строфа, тюрьма, блоха, борозда, волна, губа, полоса, строка, борода, голова, гора, дыра, душа, доска, земля, зима, спина, среда, сторона, цена* и др. Встречаются и слова третьего склонения, у которых омонимия также может отсутствовать: *степь, дверь, грудь*.

Нормативисты обратили внимание на данную группу слов, где падежно-числовой омонимии нет, и установили перед ней границу возможности переосмысления. «Если, — пишет К.С. Горбачевич, — у существительного женского рода формы именительного падежа множественного числа отличаются по ударению от форм, входящих в количественно-именное сочетание, то определение обычно ставится в родительном падеже множественного числа: *две высоких горы, три огромных волны*» [Горбачевич 1978: 262]. Такое же утверждение находим и у Д.Э. Розенталя: «Если формы именительного падежа мно-

жественного числа существительных женского рода отличаются по ударению от формы родительного падежа единственного числа (ср.: *горы* — *горы*, *слезы* — *слезы*), то определение в рассматриваемой конструкции обычно ставится в родительном падеже множественного числа» [Розенталь 2005: 277].

И здесь лингвисты, как оказалось, явно недооценили силу народной этимологии. Анализ употребления в НКРЯ количественных конструкций со словами женского рода, не имеющими грамматической омонимии, демонстрирует безусловное преобладание примеров с прилагательным в им.п. мн.ч. Рассмотрим в качестве примера употребление количественных конструкций с существительными *слеза*, *рука*, *стена* и *грудь*.

СЛЕЗА

Форма им.п. мн.ч.: 35 примеров (*две крупные слезы* — 21 пример, *две большие слезы* — 2 примера, остальные — по одному примеру (*потаянные / медленные / тяжкие / черные / огромные / алые / скудные / пьяные / горячие / теплые / тяжелые / скупые слезы*)).

Форма род.п. ед.ч.: 2 примера (*две холодных слезы, две крупных слезы*).

РУКА

Форма им.п. мн.ч.: 11 примеров (*две костлявые / сильные / встречающиеся / одинаковые / железные / горячие / раскрытые / прозрачные / исполинские / гигантские / механические руки*).

Форма род.п. ед.ч.: 2 примера (*две сильных / правых руки*).

СТЕНА

Форма им.п. мн.ч.: 10 примеров (*две хрупкие / зеркальные / крытые / стеклянные стены; три общие / крепостные / прилежащие стены; четыре рослые / грубые / неоштукатуренные стены*).

Форма род.п. ед.ч.: 2 примера (*две сплющивающих / глухих стены*).

ГРУДЬ

Форма им.п. мн.ч.: 10 примеров (*две роскошные / огромные / могучие / ослепительные груди*).

Форма род.п. ед.ч.: 0 примеров.

Носители языка не обращают внимания на то, что по-разному произносят существительное при прилагательном: *костлявые руки* — (*две*) *костлявые руки*, *стеклянные стены* — (*две*) *стеклянные стены*.

Можно ли сделать из этого вывод о нечуткости носителей к акценту на фоне вариативного акцентного произношения многих слов в русском языке? Возможно, это и так, но не менее вероятным кажется и влияние внутренней идиосинкразии к странной конструкции, непонятным образом сохранившей-

ся с давних времен, несмотря на свою грамматическую алогичность. Современный узус можно представить как результат компромисса между грамматическим монстром и народной этимологией: словосочетание *две ослепительные груди* принимается, а *два дряхлые старичка* — нет.

Библиография

- Боровик Г.* Дядя Миша (вместо предисловия) // Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус; Междунар. фонд «Демократия», 2002 <<http://profilib.com/chtenie/135512/viktor-fradkin-delo-koltsova-87.php>>.
- Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд., доп. и переработ. Киев: Радянська школа, 1958 (§ 15: «Народная» этимология).
- Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка: Пособ. для учителей. М.: Просвещение, 1978.
- Есин С.* Стоящая в дверях (повесть) // Наш современник. 1992. № 4 <http://lib.ru/PROZA/ESIN/dwer.txt_Piece100.02>.
- Зализняк А.А.* О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь. 2009. № 1, 2 <<http://elementy.ru/lib/430720#5>>.
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М.: Языки славян. культуры, 2002 (М.: Наука, 1967).
- [РГ] Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980.
- Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка: [Учеб. для вузов по специальности «Журналистика»]. 4-е изд., испр. М.: Высш. школа, 1977.
- Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. 10-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2005.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособ. для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985.
- Рябов А.* Административные восторги // Время МН. 2003, 20 июня <<http://www.yavlinsky.ru/news/print.phtml?id=2461>>.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Смирнова Д.* Рыбий жир // Столица. 1997. № 19 <<http://www.stolitsa.org/986-rybij-zhir.html>>.
- Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка. [Репр. изд.]. М.: Языки славян. культуры, 2004. Т. 1.
- Супрун А.Е.* К употреблению родительного и именительного падежей множественного числа прилагательных в сочетаниях с числительными два, три, четыре в современном русском языке // Уч. зап. Киргизского гос. заочн. пед. ин-та. Фрунзе, 1957. Вып. 3: Русский язык и литература. С. 72–84.
- Тимофеев Б.Н.* Правильно ли мы говорим? Заметки писателя. Л.: Лен-издат, 1961 <<http://www.mp3-kniga.ru/bibliofil/tim-govorim.htm>>.